902.2 К.Р
П-58

Бурят-Монгольское Научное Общество
имени Доржи Банзарова

А. М. ПОПОВА

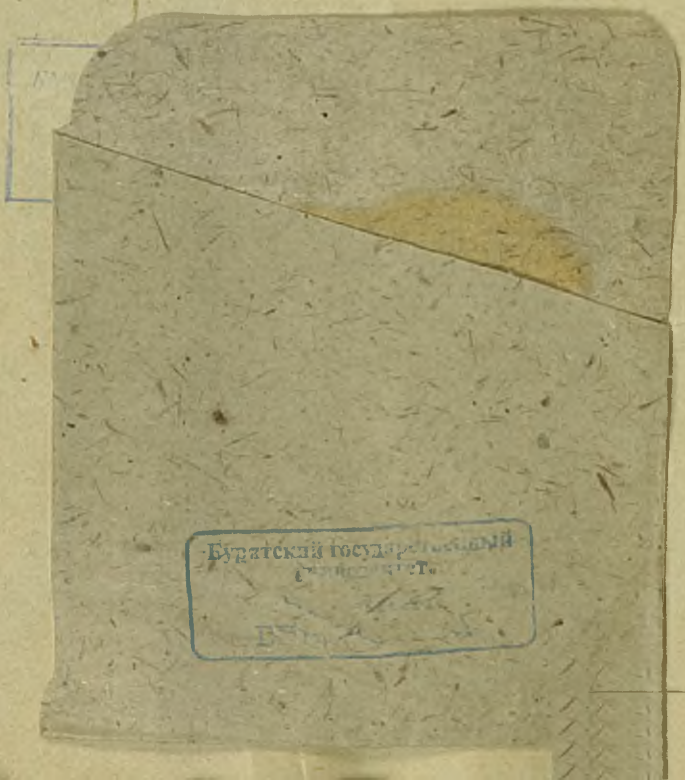
СЕМЕЙСКИЕ

(Забайкальские старообрядцы)



Группа семейских женщин—делегаток

Верхнеудинск
1928


Бурятский государственный

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Должно быть
4	15	губерний	губернии
«	7 сн.(прим).	Мухоршибирская	Мухоршибирская—
9	14 «	от «сибиряка»	от «сибиряка»,
10	5 св.	до половины	до половин ы
«	8 сн.	освещался	освящался
«	1 «	«на распашку»:	«на распашку».
11	5-6 св.	воротом	воротом,
13	7 «	ветчину. н	ветчину.
14	22 «	сдерживающегося	сдерживающего
17	12 «	псалмов	псалмов,
18	10 «	насмешок	насмешек
22	2-3 «	говорили	говорили:
24	1 сн.	в писани,	в писании
25	16 св.	повреди (т),	повреди(т)
26	21 «	должен быть	должен был
27	17 «	во-вторых, почти	во-вторых, потому, что почти
35	19 «	увещаны	увешаны
«	5 сн	дорит	родит

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая книжка является первой сводкой тех материалов, которые были собраны хранительницей этнографического отдела Иркутского музея, А. М. Поповой, во время ее научных поездок в районы «семейского» населения за Байкалом в течение 1925-27 г. г. Изучения эти велись при небольшой материальной поддержке Бурят-Монгольского Научного Общества имени Доржи Банзарова и Буробкома ВКП (б), который как раз в это время подошел к постановке серьезных изучений среди этой своеобразной и многочисленной группы населения, требующей особого подхода как в построении культурной работы, так и в области административно-хозяйственной. Благодаря указанному содействию, А. М. Поповой удалось собрать обильный этнографический материал в виде коллекций, иллюстрирующих быт и хозяйство семейских, и легших в основу нового под'отдела музея—«семейских», и сделать обширные записи по истории, хозяйству, быту, народной медицине и фольклору, которые по обработке и составят, как мы надеемся, содержание последующих выпусков.

Исследования велись, главным образом, в одном из главных семейских районов—Тарбагатайском, в Верхнеудинском уезде. Исследовательнице, за недостатком средств, не удалось побывать в другом основном семейском районе—Бичурском. Всем, вероятно, известно то место в «Русских женщинах» Некрасова, которое поэт посвятил Тарбагатаю. Некрасова поразили рассказы о зажиточном и крепком крестьянском населении, столь отличном от пригнетенного крепостного крестьянства. Действительность не всегда такова, как она представляется издали. В жизни свободного, казалась бы, семейского крестьянина было и есть не мало теневых сторон. Барина—помещика в Сибири не было, но барин—«заседа-

тель», исправник, ретивый миссионер не мало мучений и разорения приносили «раскольнику». Не без влияния этого внешнего гнета сложились суровые и консервативные формы житейского и хозяйственного уклада, с патриархальной властью главы семейства и «начетчика», неподвижным обрядом и боязнью внешнего, постоянно угрожавшего неприятностями «мира».

Только теперь этот замороженый, если можно так выразиться, быт начинает растаивать под теплыми веяньями новой жизни. В выпускаемой книжке автор дал интересные зарисовки этой начавшейся борьбы старого и нового, в которой, как это и естественно, много изломов и нежелательных явлений, но которая раскрывает и ту исторически сложившуюся ограду, которая отделяла семейскую общину от окружающей жизни.

Изучение и изучение безотлагательно нужно не только для того, чтобы зафиксировать в качестве историко-этнографического материала исчезающее прошлое, но и чтобы дать об'ективный материал для правильной постановки работы по строительству новой жизни. Работы А. М. Поповой, поэтому, представляют двойную ценность материала, имеющего и научное и большое практическое значение.

Проф. *Н. Козьмин.*

А. М. Попова.

Семейские.

(Забайкальские старообрядцы).

Настоящий очерк является как бы введением в ряд работ, касающихся хозяйственно-экономического быта, материальной и духовной культуры интереснейшей группы русского населения В. Сибири—«семейских», когда-то сыгравших крупную роль в деле русской колонизации Забайкалья.

Несколько лет исследовательско-собирательской работы среди семейских, а также проработка печатного материала по интересующим нас вопросам помогли выяснить следующее: несмотря на целый ряд работ научного и художественно-литературного характера, в которых более или менее полно говорится о забайкальских старообрядцах, они до настоящего времени не подвергались всестороннему систематическому исследованию и изучению. Правда, на некоторые вопросы было обращено достаточно внимания, как, например, антропологический состав[1]), язык[2]), история переселения в Забайкалье[3]) и т. д. Но все это вместе взятое не может осветить полно своеобразную жизнь семейских со всеми ее особенностями, резко отличающими их от остального населения Сибири.

Необходимость скорейшего изучения семейских на месте, а также общая сводка имеющегося печатного материала является неотложной задачей, в связи с вопросами хозяйственно-экономического и культурного строительства и общими принципами современного краеведения.

В предлагаемом кратком очерке мы ставим себе задачей дать общие сведения о бытовом укладе семейских, слегка касаясь их исторического прошлого, на фоне которого создался и держится до настоящего времени своеобразный облик семейского со всеми

1) Ю. Талько-Грынцевич. «К антропологии великороссов». Томск 1908 г.

2) Проф. А. М. Селищев „Забайкальские старообрядцы-семейские". Иркутск, 1920 г.

3) В. П. Гирченко—„Из истории переселения в Прибайкалье старообрядцев-семейских". Восточно-Сибирская библиотека. № 5. Верхнеудинск.

его достоинствами и недостатками, со всеми отличительными чертами материальной и духовной культуры, которые выделяют семейских из общей массы вольных и невольных насельников Сибири.

Материалом для настоящего очерка, а также и для последующих работ послужили записи и наблюдения, сделанные автором за ряд поездок в пределы Бурято-Монгольской Республики, в Верхнеудинский уезд, где находятся районы, населенные семейскими[1]) со времени Екатерины II-ой, первые сведения о которых появились в работах П. Палласа[2]), А. Мартоса[3]) и др. После церковного раскола, имевшего место в царствование Алексея Михайловича, при патриархе Никоне, часть русского населения осталась при старом церковном служении, а часть отделилась к Никону. Началось религиозное гонение на противников новшеств. Некоторые из них погибли в тюрьмах, на кострах и т. д., другие же бежали в Польшу и поселились на Ветке (Могилевской губерний) и Стародубе (северная часть Черниговской губернии). Спокойно жилось там выходцам Тульской, Орловской и Калужской губерний[4]) Но благополучию их настал конец, когда вступила на престол Екатерина II-ая. Она, в целях колонизации, вызвала старообрядцев с Ветки и переселила их в Забайкалье. Некоторые из них пошли добровольно, т. к. им были обещаны всевозможные льготы; часть же выселена насильственным путем.

Переселившись в Забайкалье, старообрядцы основали села: Тарбагатай, Куйтун, Куналей, позднее Н.-Брянь и др. и постепенно стали устраивать свои хозяйства. Первое время им было очень трудно, ввиду отсутствия подходящих условий для привычного хозяйства. Правительство оказало очень незначительную помощь[5]). Кроме того, столкнувшись с местным населением—бурятами, они должны были начать с ними борьбу из-за земли.

Наконец, хотя и с большими усильями, трудности были преодолены, и семейские зажили в новом краю еще лучше, чем на Ветке. Энергичные, трудолюбивые, крепкие и физически и

[1]) Нами посещены всего четыре волости: 1. Надеинская—с. с. Куйтун и Б. Куналей; 2 Тарбагатайская—Тарбагатай, Десятниково. 3. Мухоршибирская Гашей, Мухор-Шибирь и 4. Ново-Брянская—Новая Брянь, Мухор-Тала.

[2]) Паллас, П. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Изд. Академии Наук. СПБ 1788, ч. III. Половина первая, 1772-1773 г. г.

[3]) Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М. Унив. типогр. 1827 г.

[4]) Проф. Селищев, стр. 68, и предание старообрядцев.

[5]) Максимов. Сибирь и каторга. ч. 2-я, стр. 203.

нравственно, они скоро заняли первенствующее место среди других поселенцев Сибири.

Благодаря особенностям жизни, связанным с их религиозным мировоззрением, семейские не смешались с «православными» и сохранили свои отличительные черты, как нравственные, так и физические. По своему физическому типу, семейские—народ рослый и в большинстве случаев красивый, отличающийся крепким здоровьем сравнительно с окружающим населением. До сих пор не редкость встретить стариков 80-90 даже 100 лет. Молодое поколение начинает мельчать. Благодаря, бракам внутри себя, семейские до сего времени сохранили два типа. На ряду с обычным великорусским светлым типом встречаются смуглолицые, с большими черными глазами, нередко с курчавой черной бородой и волосами. Бороду носят не только старики, но и неженатая молодежь, т. к. бритье считается грехом. До империалистической войны у семейских строго воспрещалось брадобритие, и не допускались к иконам и кресту те люди, которым в силу необходимости приходилось прибегать к помощи бритвы, например, солдаты. В настоящее время молодежь отступает от этого обычая, и только фанатично настроенные люди придерживаются его.

Поселившись сначала в нескольких пунктах, семейские через некоторое время должны были заселять все новые места, т. к. благодаря плодовитости, количество их значительно увеличилось, а также и извне к ним присоединялись новые группы переселенцев, которых ссылали из-за непокорства «лериги», особенно при Николае I-ом.

Для того, чтобы нагляднее представить прирост населения, возьмем цифровые данные за 1919 и 1926 года нескольких сел[1]).

НАЗВАНИЕ СЕЛА	Количество дворов в 1919 году.	Количество дворов в 1926 году.
Н.-Брянь	378	481
М.-Шибирь	360	415

[1]) Цифровыми данными других сел мы в данное время не располагаем, но достаточно и тех, что даны для уяснения картины роста населения.

НАЗВАНИЕ СЕЛА	Количество дворов в 1919 году	Количество дворов в 1926 году
Заган	342	390
Шеролдай	370	692
Харашибирь	380	490
Гашей	104	143
Тарбагатай	539	545
Куналей	860	876
Десятниково	396	399 (были выселенцы)
Куйтун (цифры по Куйтуну не совсем точны) .	768	733 семейских 50 правосл.

На увеличение населения указывает и рост численности поселений, разбросанных по всему Забайкалью.

Селения семейских, которые нам удалось посетить, в большинстве случаев расположены в долинах между отрогами гор. Обыкновенно в селе 2-3 улицы, пересеченные переулками («правулками»), по которым ходят в поле, за село, к речке и т. д. Некоторые из улиц тянутся несколько верст в длину и расположены недалеко от ключа или речушки, от которой проведены канавы для орошения огородов, полей и покоса.

Постройки семейских — большие, высокие, деревянные избы из очень толстого леса с крытыми тесом, на два ската, крышами. Сверху доски крыш скреплены «охлопенем», нижние концы положены в жолоб, укрепленный крючьями. Наличники окон расположены настолько высоко от земли, что с улицы рукой их не достанешь; карнизы украшены резьбой и в большинстве случаев раскрашены различными красками. Часто на ставнях нарисованы все возможные цветы или же разные птицы, из которых преобладают павлин, петух и голубь. Ворота и калитки также разрисованы и украшены резьбой. Жилые постройки в большинстве случаев состоят из двух изб соединенных между собой крытыми, теплыми, светлыми сенями, где находится «казенка» для хранения сундуков с имуще-

ством, одежды и разной рухляди. Одна изба служит жильем в летнюю пору, другая в зимнюю. Иногда для зимнего жилья строятся особые помещения—«зимовья»—во дворе.

Внутри избы очень чисто и опрятно. Чисто вымытый пол застлан коврами-половиками, или же посыпан дресвой, иногда песком. Прежде всего, как войдешь в помещение, бросается в глаза «передний угол», в котором устроена божница, киот, весь увешанный или заставленный иконами старинного письма, большей частью образами с изображением Николая угодника, божьей матери, спасителя, Георгия победоносца и т. д. Иконы без риз, а прямо писанные на досках. Кроме деревянных икон, у семейских много медных складней, крестов и т. п. Иконы свои семейские бережно хранят и передают их из поколения в поколение. Тут же на угловом столике стоит иногда кадильница, лежат свечи, висят «лестовки» (четки) и «подрушники»—подручники[1]). Редко висит лампада. Вправо и влево от божницы идут широкие деревянные лавки или расставлены стулья; перед ними стоит обеденный стол, застланный клеенкой. У стены, в сторонке, стоит столик, накрытый «базарской» скатерью, перед столиком висит зеркало, по обоим сторонам которого свешиваются концы «рушника»—полотенца. На стенах, которые также чисто вымыты, висят «карманчики»[2]), лубочные картинки (хотя и не всегда) и портреты членов семьи и знакомых.

На светлых окнах иногда висят бумажные вырезные шторы, на подоконниках стоят банки с цветами. В одном углу, ближе к порогу, стоит кровать, украшенная рисунками и резьбой. Над кроватью, к печи, высокие палати, на которых спит зимой большая часть семейства. В противоположном углу большая битая русская печь, опечек которой разрисован разными цветами и птицами. Красить и рисовать семейские очень любят. Во многих домах пол, потолок и стены разрисованы также всевозможными узорами. Помещение перед печью—куть часто отделено заборкой—переборкой из досок, или же отделено занавеской. Печь не прилегает близко к боковой стене, там есть небольшое помещение—коридор, где хранится вся необходимая домашняя посуда; перед печью же распо-

[1]) Четырехугольные подушечки, сшитые из лоскутков; употребляются при поклонах в землю; принадлежность культа.

[2]) Стенное украшение, сшитое из обрезков материи—шелка, кашемира и др., на подкладе, длиною 80 83 см., шир. 25-30 см.

ложена лазейка в подполье, где также хранится часть посуды Подполье изнутри часто обито по стенам досками, в нем устроены полки для посуды. Внизу вырыта яма для овощей, картофеля, моркови и проч. В подполье также очень чисто прибрано; на полках расставлена—постом «молосная» посуда, в мясоед—«постная», т. к. семейские не употребляют постом тех горшков, чугунов и сковородок и тарелок, которые употребляются в мясоед. Кроме столовой и кухонной посуды, в подполье стоят кадушки, латки и т. д. В «кути» же находится шкаф для посуды и висит зыбка-люлька, в которой спит ребенок, а также стоят «самопрядка» и «швейка». Дома, перед каждым большим праздником моются снаружи снизу до верху.

Внутреннему уюту жилища соответствует чистота и удобство надворных построек. Двор у семейских разделен в большинстве случаев на 2 или на 3 части: 1) передний двор, где находятся амбар, завозня, погребушка и стоят экипажи и различные сельскохозяйственные машины, 2) двор скотский, иногда крытый, на котором расположены хлевы для коров, лошадей, баранов, кур (куры, обыкновенно, с коровами). Тут же устроен «мерлог»—теплый хлев для свиней, стоят «камяги»—большие колоды, в которых кормят и поят скот, это—двор зимний, т. к. летом скотина почти не бывает дома; в третьем дворе, а иногда и во втором, находится сеновал и колосники для колоса, ступка для толчения конопляного семени, мялки для конопли; тут же стоит баня, обыкновенно белая, но иногда попадается и топящаяся по «черному», т. е. не имеющая каменки с трубой для выхода дыма, весь дым выходит в дверь и, благодаря этому, потолок и стены такой бани покрыты сплошным слоем сажи. Недалеко от бани, в некоторых селах, имеются колодцы. За двором идет гумно с расчищенной «ладонью»—током для молотьбы. Дальше идут огороды с широкими грядами, на которых «в лунках»—углублениях,—посажены морковь, «бруква» (брюква) и огурцы, лук-бутун, чеснок, капуста—«бульба», картофель, горошек. Кроме того, в огородах же посеян мак, мята и другие цветы и душистые травы.

В огороде же находится «рассадник»—сруб, сделанный из бревен, в котором поверх навоза насыпана земля и растут семенники капусты и других овощей. Много усилий и труда прикладывает семейская женщина к «огородине». С ранней весны она уж

начинает налаживать гряды, садить рассаду и т. д. Прорастут семена, и тут горе—не померзли бы, не с'ела бы какая-нибудь мошка. Когда настанет пора садить овощи,—а это бывает в мае или в начале июня,—начинают высаживать рассаду в гряды, и еще больше труда и заботы: во-первых, необходимо уберечь от заморозков нежные растения, особенно огурцы, для этого их на ночь закрывают разным старьем, дерюгами, «шамелями»[1]) и т. д., также вязанными из соломы коврами, а во-вторых, полить все посаженное, чтобы хорошо «взялось»—расло. Поливать приходится по два раза в день, нося воду на плечах из колодцев, усугубляя тем трудность работы, и из оросительных канав, прорытых около огородов или посреди их. В таких селах, как Н.-Брянь воду большинство берет прямо из реки, к которой подходят огороды, а в Мухортале—из ключа, проходящего посредине села. Работа с огородами не ограничивается поливкой и защитой от холодов; в середине лета начинается опалыванье гряд от сорной травы, а дальше—уборка овощей и заготовка их на зиму, т. е. соленье, сушка и т. п.

За огородами идут «телетники»—телятники, в которых, действительно, пасутся иногда телята, а в большинстве случаев выращивается трава, которую скашивают на сено телятам. Телятник также поливается посредством канавы (хотя и не везде).

Заканчивая обзор построек и двора, перейдем к особенностям семейского старого быта, сохранившегося до сих пор. Такой особенностью, резко отличающей семейского от «сибиряка» является костюм, особенно женский.

Женский «обряд» состоит из следующих частей. Внизу у женщин надета рубашка (рукава обычно цветные, без узора), будничная—ситец, сатин, праздничная—кашемир и шелк, с ситцевой становинкой. Поверх рубахи одет сарафан; в будни—ситцевый, сатиновый, в праздники—кашемировый или шелковый, цветной, яркий, с узорами; низ сарафана обшит лентами в два ряда или «биями» из материи обязательно другого цвета, чем сарафан, причем для крепости спереди и сзади с изнанки от верха до низа подбит полосами материи. На подоле широкая, в 35 см., подшивка. Под сарафаном на рубаху одета нижняя юбка, ситцевая, бумазейная и т. д. По талье, сверх сарафана,—пояс тканный из шелка, ниток или шерсти. Пояс сделан очень хорошо, украшен

1) Шинель – одежда из сукна местного производства

геометрическими фигурами из разноцветных ниток. Сбоку, на поясе, карман, в котором женщина хранит разные вещи: платочек наперсток и т. д. Поверх сарафана «запон»—фартук, с грудкой, также цветной, по подолу украшенный лентами, или «биями». Запон покрывает переднюю часть сарафана и доходит до половины груди. На талии и около шеи он держится на шнурке или ленте. Поверх рубахи одет на цепочке или шнурке медный крест, запрятанный под запон. Вся грудь украшена, особенно в праздник, бусами, из которых семейские особено ценят «антари»—янтарные бусы. Цена янтарных бус в настоящее время очень высока, не менее 10—15 рублей за нитку. На голову у замужней женщины надета кичка, сшитая из стеганной материи в форме шляпы, имеющей впереди возвышение—рожок, к затылку же кичка понижается В большинстве—передняя часть обшита бисером и «кучерями» из гусиных перьев, сзади к кичке одевается сшитый из позумента «назатыльник» или «подзатыльник» (хотя назатыльники чаще одеваются в праздник). Кичка покрывается шалью, атласной и кашемировой у молодых и простым куском материи, обшитым кистями—у старых. «Раньше и старые носили атлас—хорошо жили, а теперь у молодых-та нету-ка»,—говорила одна из семейскех старух. Шаль завязывается углом, два конца ее перевязываются спереди и прячутся сбоку, два других конца падают на шею. Иногда молодежь украшает кичку поверх шали брошками и цветами. Во время холода женщины покрывают уши свернутым платком или шалью, концы которых торчат кверху, как уши а средина задета за подбородок. В особо торжественных случаях надевается кокошник, шитый из позумента—вид широкой туфли; одевается прямо на кичку и покрывается с боков шалью. В настоящее время кокошник выходит из употребления, а раньше был необходимой принадлежностью каждой женщины и наравне с кичкой освещался при венчании в церкви. Дома, во время работы женщина носит «колмычку», т. е. шаль, повязанную без кички поверх головы, или же, как новшество, платки концами назад. На ногах «штиблеты»—ботинки, сапоги, или ичиги, а то и босиком. Из верхней одежды одевают курму или халатик. Курма—короткая одежда вроде жакета с клиньями, из плиса черного цвета, халат доходит до колен, рукава обыкновенно висят немного сзади. Надет он почти всегда «на распашку»: Иногда, идя в церковь, надевают

его на рукава. Шьется халат из разноцветной материи темно-зеленого, бордо и др. цветов, шелка, плиса и т. п.. В церковь, в теплую погоду, женщины надевают шаль в роспуск, двумя концами завязывая под подбородком, а остальную часть спуская назад почти до пят. Зимой же надевают меховые шубки, с меховым воротом и бекеши. Из украшений, кроме бус, носят серьги серебряные и медные, брошки, кольца, перстни и «печатки»—кольца в форме печати с украшением или инициалами. Перстни «печатки» и серьги в некоторых селах работают свои мастера (например, в Б.-Куналее).

Наряд девушек отличается от замужних только отсутствием кичек. Вместо нее девушки носят платки, завязанные концами назад, или же ходят без платка, простоволосые, а то носят «редики»—бумажные вязанные шали. В праздники, когда они идут в церковь, в молельный дом, одевают повязку, снизанную из бисера и нашитую на полосу из материи. Повязка обвязывается вокруг головы и спускается бисерными кистями на лоб. Обыкновенно повязка одета «на гумашку», картон, вырезанный в форме кокошника и обернутый шалью, концы которой опускаются на спину, а верх головы остается открытым. Иногда девушки одевают шаль в роспуск на спину, тогда получается очень красивый убор, напоминающий грузинский. Как замужние, так и девушки носят на плечах шали; кроме того, у девушек украшений еще больше, чем у женщин,—вся грудь обвешана бусами. В будни, как замужние, так и девушки, носят сарафан, подоткнутый спереди так, что почти до колен видна нижняя юбка.

Костюм мужчин—обыкновенная рубаха, только у стариков без ворота, с узенькой обшивочкой, шьется из покупного материала. Молодежь носит рубахи в настоящее время с открытым воротом, подпоясанные ремнем, или же самодельным широким поясом, на ногах сапоги или ичиги, перевязанные «оборкой, «подвязкой»—тканой узенькой тесьмой. Из верхней одежды—курмы, поддевки. На голове круглая войлочная или самодельная шерстяная шляпа, у молодежи «пинжак и курашка» (картуз). Только в молельный дом идут все одинаково в старинных халатах, длинных до полу. Тут даже ребятишки подходят под общее правило. Кроме того, на работу одевают «шамели»,—сшитые из домашнего сукна пиджаки или зипуны. Зимою носят овчинные полушубки или тулупы, на головах

волчьи, заячьи и т. п. шапки. На руках рукавицы и «варьги»— варежки из шерсти местных овец, вязанные одной иглой, «русские», а также обыкновенной вязки--на пяти иголках. На ногах как мужчины, так и женщины носят шерстяные чулки, беспятые, вязанные на одной игле, или обыкновенные с пяткой.

Мужчины носят, иногда бурятские унты, надевают также, хотя не все, и валенки.

Женский семейский костюм производит очень красивое впечатление яркостью красок и рисунков. Особенно в праздники шелк, кашемир, атлас, самых разнообразных оттенков и цветов, пестреют на улицах и около домов.

Детские костюмы ничем не отличаются от костюмов взрослых: на мальчиках такая же рубашка и штаны, как у взрослых, девочки одеты в сарафаны, запоны и рукава, ребята—точная копия взрослых.

Переходя от костюма семейских к окружающей их обстановке, уделим несколько внимания утвари и домашним орудиям, наиболее употребляемым у семейских.

Посуда семейских, главным образом, покупная—чашки, стаканы, тарелки и т. п. и все это фабричного производства и приобретается в В.-Удинске и Петровском Заводе. Деревянная посуда делается своими мастерами, развозится по деревням. Посуда и домашняя утварь у семейских всевозможных сортов—кадки для соления овощей, небольшие кадочки, туязки, ведерки, подойники для молока, лопаты для хлеба, корыта для белья, небольшие корытца для рубки мяса и т. п., деревянные чашечки, употребляемые во время страды. Кроме дерева, материалом для посуды служит береста. Из нее выделываются туязья разных размеров—от громоздких, для хранения ягод, кончая мелкими «кутейниками». Глиняная посуда в большинстве берется в городе, своего производства мало.

Из железной утвари можно указать на сковородники, ухваты, кочерги, ключи, шипцы, которые частью изготовляются своими кузнецами, частью покупаются в магазинах ближайшего города.

Говоря о посуде, необходимо сказать и о пище семейских.

Пищу семейских можно разделить на два вида: пища «молосная» в мясоеды и пища «постная» в посты. Главным продуктом питания является ярчный хлеб, за ним идет пшеница, но пше-

ничный хлеб употребляется не всегда, только по праздничным дням, богатые едят его чаще, но и то только за чаем. Кроме хлеба, употребляют в большом количестве картофель, капусту и др. овощи, особенно осенью и зимой, некоторые овощи в сыром виде, другие в соленом или вареном виде. Кроме овощей употребляют в пищу мясо свиней, баранов, коров. Свиное мясо засаливают, особенно сало, приготовляют ветчину.н

В «молосные» дни семейские, хотя и не все, питаются хорошо: мясные щи, суп, картошка жареная на масле, жареное мясо, «яишня» со свининой, молоко, масло, сметана, творог, простокваша.

По средам и пятницам семейские не едят скоромного. В постные дни, особенно постом, пища семейских скуднее: картофель в «мундире» или с конопляным маслом, капуста, постные щи, или суп, кроме того, постом употребляют ботвинью с луком, «солод», «солодуху», толокно и различные овощи, как в свежем, так и в соленом виде, кисель и лапшу. Употребляют, кроме того, и дикие травы и корни: черемшу в соленом виде, постом пекут пироги с луком, морковью, капустой, когда разрешено уставом, то и с рыбой, а также лепешки с конопляным маслом и ягодами. Часто, как постом, так и мясоедом, пекут гречневые блины и однако не все посты семейские хорошо питаются. Особенно голодным постом является Петров пост, в июне месяце, когда еще овощи не поспели, а старые все подобрались, приелись. У некоторых нет даже картошки. Тут у семейских настоящий голод, не даром они и говорят: «Петровки-голодовки». Кроме того, если и поспевают овощи, то их нельзя есть: грех. И многие до Петра и Павла (29 июня ст. стиля) не едят ничего из овощей, кроме лука.

Праздничная пища семейских более обильна и вкусна, но не отличается особенным разнообразием: пирожки с мясом, пельмени, жареные поросята, лапша мясная или молочная, щи, картофель в масле или с мясом, а также разная, мелкая, сдобная стряпня, шаньги с творогом, все это в большом количестве, жирнее, чем в будний день. Из лакомств у семейских употребляются «лампасей» —монпасье и другие «закуски», пряники и т. п., варенье из малины, земляники и др. ягод, брусника в сыром виде и пироги с изюмом, ягодами и черемуховой мукой.

Овощи и ягоды заготовляются на целый год (в сыром, вареном, засоленом и сушеном виде) и хранятся в погребах и подпольях.

Раньше, по рассказам старожилов, питались гораздо лучше, т. к. больше было скота, больше кололи его для себя, кроме того, обилие лесов и кустарников давало возможность собирать запас ягод, а также снабжало семейских дичиной, и рыбы было больше[1]), и она ценилась несравненно дешевле, чем в настоящее время. У домохозяев хранились целые бочки соленой рыбы, а в настоящее время не все ее могут купить, не только что хранить бочками. Сейчас заменой пищи у многих служит чай. В каждом доме у семейских имеется самовар. Если некоторые старики из-за боязни греха и не пьют чая, то все пьют горячую воду. Забылось многими проклятие на пьющих чай: «кто чай пьет, тот от бога отчаен», и семейские от мала до велика занимаются чаепитием и пьют его помногу, без сахара из-за экономии, с хлебом и с солью, в скоромные дни с молоком, в постные иногда делают молоко из мака, в праздники—с различными печеньями.

Кроме чая, напитками у семейских является ботвинья и по праздникам вино: в недавнем прошлом, да и сейчас кое-где,—самогон, приготовляющийся из ярицы посредством специального самогоночного аппарата; самогон гонится украдкой, т. к. строго преследуется. За последние 3—4 десятка лет пьянство среди семейских развилось сильнее, чем прежде, его не стали считать грехом, а другого сдерживающегося начала не было, да и вообще нравственные устои старообрядцев заметно пошатнулись, во всем, как в семейном, так и в общественном быту. Живут семейские в большинстве случаев небольшими семьями, состоящими из мужа, жены, детей и престарелых родителей; изредка попадаются семьи, состоящие из родителей, нескольких женатых и не отделенных сыновей их, даже приживальщиков, но такие семьи—редкость, иногда вместе со стариками—родителями и одним из женатых сыновей живет вдова умершего сына или брата, но это бывает только в тех случаях, если у вдовы есть дети и она живет в большой дружбе с остальными членами семьи. Вдовья жизнь, конечно, не сладка, и обращение со вдовой большой частью очень грубое, работает она мно-

[1]) Рассказ Пв. Ив. Чебунина (с. Тарбагатай). „У нас 50 лет назать, у меня на памятях, в Тарбагатайке рыба была, а кол (около) Мулевки ловили руками рыбу».

На рыбные богатства указывает и геогр. название «Мулевки».—Омулевка—место, против которого ловили бабы „падлам" омулей и. т. д.

то, но работа не ценится, а, наоборот, ее попрекают каждым куском хлеба. Есть случаи, когда в семье живет старая дева-сестра или тетка домохозяина и к ней семья относится с большим почтением, как к «христовой невесте». Главой семьи издавна является отец, его слово—закон для всей семьи, даже старики родители слушаются своего сына, считая его кормильцем всей семьи. Конечно, есть случаи, когда фактическим главой семьи является женщина, но она не высказывает своего влияния на мужа, и он действует как бы самостоятельно.

Есть также семьи, в которых мать является главой, и ей подчиняются даже пожилые женатые сыновья, но таких семей мало, это, так называемые, вдовьи семьи. Кто бы ни был главой семьи, все остальные относятся к нему с большим почетом и уважением, он дает тон всей семье, от его воли зависят все домашние, и если попадается самодур, то тяжеленько приходится его ближним: без спроса главы семьи не начинается работа, не покупается одежда и т. д.

Без разрешения главы семьи дети не могут даже итти на гулянку и вечеринку. К старикам-родителям глава семьи относится в большинстве случаев почтительно, спрашивает их совета в делах, заставляет также почтительно относиться и остальных членов семьи. Старики-родители, так сказать живут у них на покое, но есть среди семейских и такие дети, которые жалеют куска хлеба для стариков, всячески их притесняют, не дают им вдоволь есть, одевают в лахмотья, бранят, иногда бьют и даже выгоняют вон но такие случаи, конечно, не часты и не являются характерными для семейских. Большинство еще до сих пор боится проклятия отца или матери, придерживается того взгляда, что благословление родителей воздвигает дома, а проклятие их все разрушает.

Приводят даже такие рассказы, когда у одного человека после того, как он оскорбил мать, а она его прокляла, переболели и умерли дети, пропал скот, а также современем исчезло и все имущество. Отношение к другим домочадцам тоже довольно хорошее.

С женой глава семьи обращается большей частью ласково, часто советуется о делах, иногда даже подчиняется ее советам и только в одном отношении пока еще не признают семейские равноправия женщины—это в земельном. Многие не хотят наделять

землей женщин, ссылаясь на то, что женщины не будут отбывать всех общественных повинностей, не пойдут в армию и т. д. Тутто у семейских на сцену выступают вековые пословицы, унижающие достоинство женщины: «курица не птица, баба не человек», «кобыла не лошадь, баба не человек». Есть у семейских случаи, когда обращение мужа с женой суровое, подчас жестокое, мужья бьют своих жен, бранят их и выгоняют вон из своего дома. Особенно за последнее время участились разводы, основанные на жестоком обращении мужа, разводы эти происходят среди молодежи, пожилые же до сих пор живут довольно дружно. Жена, относясь с уважением и с почтительным страхом к своему «хозяину», во многих вопросах имеет громадный вес, да и нельзя иначе: ведь весь дом лежит на руках женщины и от ее желания, уменья и хозяйской сметки зачастую зависит благосостояние дома. Кроме того, на женщине всецело лежит воспитание детей и тут она уже имеет большое право и часто муж уступает в этих вопросах жене. Но несмотря на это, женщина никогда не выкажет того, что она имеет какое-то значение в доме, наоборот, она всегда ссылается на мужа. Обратитесь к ней с каким-нибудь вопросом, касающимся хозяйства,—она отвечает: «я никого не знаю, хозяина нет дома, наше—бабье дело, ково мы, ну, ково с бабы спрашивать?»

К детям родители относятся очень хорошо; любят и не стесняются большим количеством их,—«бог даст, куда их девать»,—ласково обращаются с ними, очень редко бьют и ругают; особенно не бранят «черным словом», боясь худых последствий; ласковые названия—«бравенькой», «бравенькая», «голубушка», «милый» и т. п.—часто слышатся у семейских по отношению к детям. С самого раннего детства семейский ребенок имеет большую свободу, в заботах о хозяйстве, некогда наблюдать за ним, часто малыш остается на попечении малолетней няни, бывают случаи, что дети от этого уродуются: то сожжется, то разобьется так, что повредит какие-нибудь члены и т. д.,—но в сравнении с сибиряками, православными, таких случаев мало. Урвавшись от хозяйственных забот, мать все же успевает приласкать своего ребенка, переменить ему одежонку, вымыть лицо и т. п. Маленького ребенка мать чаще «наблюдает», ей приходится кормить его грудью, «пеленать», чего еще не каждая маленькая нянька сделает.

Но чаще всего ребенок остается на руках бабушек, которые

заменяют ребенку мать. Бабушка в большинстве является первой руководительницей ребенка, она любит его и пользуется его взаимной любовью; иногда ребенок так привязывается к ней, что его трудно с ней разлучить. Бабушка направляет его ум в ту или иную сторону, учит его первым жизненным навыкам, внушает ему правила нравственной жизни и первая учит его религии. Как и родители, она все-таки отдает предпочтение мальчикам,—«будущие кормилицы-поильцы», к девочкам отношение не то, особенно у отца, «чо от ее взясь—пустая трава, парень хоть в дом, а ей самой надо сколько поклась», «ково от девки пользи, корми ее до 15—16 лет, а там она за мужика убегить». Мать, конечно, любит детей и особенного разделения между ними не делает, даже иногда поговаривает: «парень—ково он мне памагает? а девку хошь куда—и посуду прибрать и прясь—все девка».

С 8—9 летнего возраста детей начинают понемногу приучать к кое-какой работе. Мальчика отец берет с собою в поле, приучает его бороньбе, к уходу за лошадьми и т. п., девочку мать усаживает за пряжу конопли и шерсти, а также учит ее шить разные необходимые для себя вещи, вязать вареги и чулки и следить за порядком в доме. Конечно, работают дети понемногу, но иногда в таких семьях, где все мальчики и только одна среди них девчурка, она является в 9—10 лет уже серьезной помощницей в доме.

В 9—10 лет мальчиков, реже девочек, учат грамоте, до революции, главным образом, церковно-славянской, которой обучали уставщики и начетчики. Здесь дети проходили суровую школу, в которой они часто с отвращением выучивали громадное количество различных псалмов молитв и приучались читать и петь «на клиросе»—в церкви. За учебу родители платили и деньгами и натурой; «швецкую еретицкую грамоту» семейские не признавали и не хотели отдавать детей в гражданские школы, открытые правительством, считая грехом учиться в такой школе, где нет закона божья и церковно-славянской грамоты. И только за последние годы в семейских селениях открываются школы, куда идут, хотя и в малом количестве, дети семейских. С каждым годом недоверие и ненависть к «еретицкой» школе уменьшается, и наплыв детей в эти школы увеличивается.

В некоторых селах семейские еще желают иметь своих учителей и свои школы. Куналейцы во время разговора с нами о

БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
БИБЛИОТЕКА

задачах советской власти заявили: «мы к советской власти относимся хорошо, но до тех пор не подойдем к ней, пока она нам не разрешит иметь свои училища». Некоторые говорят: «ково тут думать—пусь бы их и школы были, толька бы закону божьему учили, а то песни, да разны забавы учать у них».

Выходят замуж и женятся семейские очень рано,—девушка лет 15—16, мужчина 17—18. Взаимоотношения молодежи очень свободны, но редко доходят до половой распущенности и, если это случается, к такой девушке относятся с большим презрением, и ей, как говорится, «житься не будет от насмешок», редко бывают случаи, чтобы у девушки родился внебрачный ребенок. Если девушка и «проступится», то совместно с матерью, которая, конечно, скорее других узнает о положении дочери, постарается удалить последствия, сделают аборт своими средствами, из которых назовем некоторые:

1. Горячие ванны, в бане парить ноги в очень горячей воде.
2. Парить живот веником на полке.
3. Класть на живот горячие припарки.
4. Поднимать через силу разные тяжести.
5. Прыгать с высоты.
6. Пить разные травы, иногда порох.
7. Также аборты делают бабки, но каким образом они производят его, нам не удалось выяснить. Известно только, что вместо хирургического инструмента употребляется веретено. Благодаря такому отрицательному отношению к внебрачной связи, молодежь старается скорее вступать в «законную» семейную связь.

Знакомится молодежь между собою на вечерках или гулянках, которые зимою устраиваются в избах, специально откупленных для этой цели, а летом где-нибудь в пустой недостроенной избе, на пригорке, в «проулке», у реки и т. п. На этих гулянках молодежь, знакомясь между собою, сговаривается относительно брака, обменивается подарками, «молятся богу», и это служит как бы «клятвой» не изменять друг другу и закончить ухаживание браком, и, действительно, такие измены не часты, особенно со стороны девушки. Ухаживание, или по-семейски, «игранне» (ухаживать —играть: «он давно с ей играит», говорят про взаимоотношения молодых людей) иногда длится по 2—3 года, и молодежь остается верной друг другу. При изменах, как среди молодежи, так и сре-

ди пожилых людей принимаются различные меры. Изменнику жестоко мстят или же прибегают к наговорам и заговорам. После известного периода ухаживания молодежь женится.

Браки семейских в недавнем прошлом заключались с согласия родителей: жених и невеста подчинялись их решению. В настоящее время такие браки редки; большей частью сговорившись с девушкой, парень об'являет об этом родителям, приводит ее в дом и родители благославляют их, расплетают девушке косу надве, надевают кичку, и брак заключен. Часто бывает, что родители невесты узнают об этом позднее других. Иногда такие браки не вызывают недовольства со стороны родителей невесты, наоборот, заключаются с их согласия из-за экономич. причин; когда молодежь, по обычаю, является за прощением, то они слегка побраняг их за самовольный поступок, но все же благословят на брачную жизнь и приглашают сватовьев, т. е. родителей жениха, погулять и уговориться о приданом и т. д., а также выдают дочери все ее добро.

Иногда же разгневанные родители не прощают своей дочери по году и больше, бьют ее в то время, когда она приходит с мужем за прощением, выгоняют ее вместе с мужем, не дают одежды и т. д.

Особенно строг в таких случаях отец, мать, конечно, имея более мягкое сердце, мирится с фактом замужества дочери, и потехоньку видится с ней, передав ей те или иные вещи.

Девушка, зная, что родители не одобрят ее выбора, заблаговременно утаскивает из сундуков свой скарб к какой-нибудь родственнице или же подруге, а то и к родителям жениха.

Описанная форма браков всего чаще применяется у семейских; она и «с экономической стороны очень удобна», но до настоящего времени сохранилась еще старая форма брака, со всевозможными обрядностями. Здесь уже, иногда помимо желания молодежи, действуют родители, которые, переговорив с родственниками, намечают невесту и посылают ее сватать. Сватами бывают родные жениха,—его тетки, дяди, крестный и т. п., а то и сама мать. Придя в дом, сваты, не переходя за матицу (балку), поддерживающую потолок, молятся истово, садятся и затевают пустяковый разговор; хозяева, догодавшись, по какому случаю, пришли гости, начинают их приглашать вперед, те отнекиваются, говоря: «вот сделаем дела, тогда пройдем»; поговорив немного о посто-

роннем, приступают к цели своего прихода, начинают расхваливать жениха, его семью во всех отношениях; родители же невесты, если и хотят выдать свою дочь за этого парня, все-таки отнекиваются (отказываются, по обычаю, не желая уронить себя в глазах сватов), говоря, «что дочь еще молода, они не хотят нынче ее выдавать», «одежи у ей мало» и т. п. Сваты настойчиво требуют согласия. Иногда родители невесты категорически отказывают и сваты, хотя еще приходят раза два, уходят в конце концов ни с чем; когда же хотят выдать, то начинают переговоры об условиях брака, родители невесты запрашивают «за косу» —калым, богатые платят иногда по 100—150 рублей. Сваты рядятся, в свою очередь, стараются узнать, что дадут за невестой в приданое.

Родители невесты не соглашаются на уступки, и сваты после угощения уходят для переговоров в дом жениха. Иногда после 2—3 посещений сваты добиваются уступки, и родители невесты соглашаются сбавить размер калыма, иногда же жениху приходится платить запрашиваемую сумму, в свою очередь, беря богатое приданое. Родители невесты, со своей стороны, дают ей постель, состоящую из потника, 3—4 подушек, одеяла стеганного, иногда мехового, одежду: курму, халат, шубу, несколько сарафанов будничных и праздничных, несколько пар чулков, варег, как для нее, так и для мужа, полотенец, скатертей, «карманчиков» и т. п. Кроме того, невесте в приданое дается посуда, иногда вплоть до мелочей, что же касается самопряхи, то она является необходимой принадлежностью приданого. В приданое невесте дается и скот: корова, овца и лошадь. Сговорившись о дарах, которыми обмениваются жених и невеста, как-то рубаха и пояс жениху, сарафан или шаль невесте, а также о дарах родителям жениха, сваты уславливаются о дне свадьбы. Невеста за промежуток между сватаньем и свадьбой готовит разные мелочи приданого. Приглашает на помощь подруг, которые помогают ей шить, вязать и т. д. За это подругам устраивают вечеринку, на которую приходит жених с товарищами и другие ребята; на вечеринке поют песни, пляшут и т. д. Жених и товарищи угощают девушек гостинцами. Наконец, приходит день свадьбы. Невеста с утра готовится. Подруги ее украшают, поют песни, а она «голосит»— плачет. Наконец, приезжает поезд жениха, т. е. его крестный,

сваха, сопровождающая его, и другие родственники—дружки. Когда они входят в дом, их встречает молодежь, требуя выкупа, т. е. вина. Войдя в дом, они видят сидящих за столом девиц, которые продают невестину «красоту», т. е. ленту, убранную разными букетами из разноцветных лоскутков шелковой материи, дружки выкупают красоту, подавая девушкам вина и кладя денег иногда рублей пять—десять.

Потом девушки выходят из-за стола, усаживаются за него приезжие, причем жениха садят рядом с невестой; гости закусывают, а жених с невестой до венчания не едят ничего. Наконец, все встают; родители невесты благославляют дочь вместе с женихом, иконой и хлебом и отправляют в церковь или в дом жениха. После венчания или благословения, родственники с той и другой стороны начинают гулянку, продолжающуюся иногда неделю.

Браки у семейских заключаются только между своими старообрядцами; вступать в браки с православными или какими другими иноверцами считается позором и грехом. Но в последнее время такие случаи наблюдаются.

Кроме того, строго преследуются браки с родственниками до 7-го колена. Если случайно обнаружится, что пара состоит хотя в отдаленном родстве, тотчас же их разводят, не взирая на их взаимную любовь. Помимо этого, наблюдается еще одна особенность семейских браков, основанная на экономической подкладке: жениться стараются на ровне, бедный ищет бедную, средняк и богач также «клонят дерево по себе». Очень редки случаи, что богатая выходит за бедного, уж разве какая-нибудь некрасивая или с пороком, т. е. которую из-за проступка обегают. Различие семейского и православного брака еще и таково: семейские, разделяясь на несколько толков-сект, часто не имеют возможности венчать своих детей, венчают только семейские «австрийского согласия», придерживающиеся Белокриницкой иерархии, и беглопоповцы, которые принимают священника, перешедшего от «Никоновской ереси», т. е. от православия; безпоповцы и темноверцы, непризнающие священства, живут без всякого благословения церкви, как «блудно сошедшиеся». Кроме того, до настоящего еще времени многие из семейских не признают регистрации, считая это печатью антихриста, грехом и т. д Несмотря на то, что брак семейских, основанный на таких чисто договорных условиях, не свя-

зан никакими законами, живут они довольно дружно. В недавнем прошлом семейские считали грехом разводиться с женой, говорили «что бог связал, человеку не развязать», «судьба от бога» и т. п. и, если по каким-либо причинам расходились, то не страдала почти ни та, ни другая стороны, оба они находили себе пару. В настоящее же время процент разводов значительно увеличился: то жена не желает жить с мужем, то муж или родители его гонят молодуху, даже пожилые, прожившие несколько лет, расходятся. Причины развода: не сошлись характерами, муж бьет свою жену, выгоняют молодуху из дома родители мужа, поженились состоящие в родстве, наконец, тот или другой из супругов изменяет, но последний случай бывает реже всего. Бракоразводные дела, обыкновенно, передаются в с./с., он принимает жалобу, вызывает обе стороны, выслушивает их, описывает имущество мужа и, если случайно супруги не помирятся, то дело идет дальше законным порядком. Если супруги бездетные, то бывают случаи, что жена просто уходит к своим родителям, не желая судиться, но с детьми уже ей труднее жить, и она с трудом добивается алиментов. Тогда все имущество делят пополам, или же, судя по достатку, муж обязуется выдавать на детей, до известного возраста, определенную сумму денег каждый месяц или единовременно за год. Дети всегда остаются с матерью, живут с нею даже при вторичном ее замужестве, иногда только, при замужестве матери, остаются у родителей ее. Нередко в дело развода вмешиваются духовные лица, в обыкновенных случаях для того, чтобы примирить супругов, по просьбе родителей мужа или жены, иногда же, напротив, чтобы содействовать такому разводу. Это в случаях брака между родней. Но такое вмешательство, конечно, принимается только верующими, боящимися греха, и за последнее время становится все реже.

Духовное лицо дает советы не только о разводе мужа с женой, но к нему обращаются за советом и в случаях семейного раздела, который нередко бывает очень бурным. Если живы родители, особенно отец, то, в большинстве случаев, раздел происходит спокойно, отец оделяет своих сыновей по равной части, оставляя для себя и дочерей известную долю. Если же возникают какие-нибудь трения, то он передает дело на «обчественный» сход, призывает стариков, и дело разрешается к обоюдному удовольст-

вию. Когда же раздел происходит между братьями, дело иногда доходит до суда, но и в настоящее время общество дает делящимся те или иные советы, настаивает на мирном разделе. Да и вообще «семейские» не особенно охотно идут в суд, учитывая горький опыт прошлого, когда каждое судебное дело стоило им громадных убытков.

За годы революции появились разделы нового порядка: делятся от отца очень молодые, чего раньше не было; этот шаг вызывается крупными семейными неприятностями на почве идейного расхождения, молодежь, «заразившись» новыми взглядами, начинает отставать от старинки, посещает избы-читальни, поет революционные песни, привыкает к курению, не соблюдает постов, бросает ходить в церковь и молельные дома, а еще хуже всего— начинает восставать против родительской власти.

Родители вначале применяют метод убеждения «заблудших-ся»[1]), а потом, видя, что и это не действует, выгоняют из дома непослушного, не давая ничего. Сыновья подают в суд и суд постановляет выдать известную часть из хозяйства отца. Такие расхождения во взглядах молодежи и стариков наблюдаются все более и более, благодаря чему учащаются и семейные неприятности. В прежнее время молодежь обоего пола была всецело под влиянием родителей и уставщиков и жила по их указке, если и пробивалась у кого-нибудь самостоятельная мысль, то она душилась в самом начале, и молодежь под конец проникалась теми же идеями и взглядами, какие были у их родителей и дедов. В общественных делах также молодежь не принимала участия, особенно девушки. После революции у молодежи начали вырабатываться свои взгляды, она осмеливается критиковать действия родителей и даже высказывает свои мысли открыто, особенно возвратившиеся красноармейцы. Они, набравшись разных новых мыслей, взглядов, вносят новую струю в затхлую жизнь старообрядчества, и молодежь, падкая на все новое, жадно впитывает в себя то, о чем им говорят свои же братья, понятным для них языком. К сожалению, многие красноармейцы отступаются от того, что они получили на ученьи, делаются снова приверженцами старины из боязн-

[1]) Просят уставщика усовестить непокорного „от писания", т. е. указывая на „св. писание", или же подвергают детей физическому наказанию.

ни лишиться расположения родителей и только бедняки твердо держатся того, что им дала красная армия, не боясь насмешек и преследования, как со стороны некоторых членов общества, так и духовных лиц. Трудно, конечно, молодежи бороться со старым бытом, со старыми взглядами, т. к. большинство даже неграмотно и не может прочитать ту или иную книжку или нужную ему статью и разбить все те доводы, которые приводят старики, основываясь на библии и евангелии. Если трудно молодежи—мужчинам, то женщине у семейских поставлены еще большие трудности по дороге к самостоятельности, женщина, как бесправное существо, раньше не принимала участия в общественных делах, не имела права голоса на сходах, родители не считали нужным учить их грамоте, только в редких случаях женщина умеет читать и писать. Да и, действительно, сама жизнь как-то отталкивала от себя женщину. До 15-ти лет девушка, еще ребенок, принимала участие в работе, наравне почти со взрослыми, а с 15—16 лет уходила в чужую семью, где ее положение было далеко незавидное, только у хороших свекра и свекрови (родители мужа) ей давали до году «понежиться», лишний часок поспать. Попадая в плохую семью, женщина сразу становилась даровой работницей, которой распоряжались все, начиная с мужа и кончая самой последней золовкой (сестра мужа). Всем сноха должна была угодить, всех слушаться и, конечно, ей было не до развития, а, кроме того, с первого же года появлялись дети и прибавлялась забота накормить, обмыть и обшить их, т. б. что у редкой семейской женщины бывает меньше 12—15 ребят. После революции среди женщин понемногу начинает пробуждаться сознание их человеческого достоинства; они, хотя и очень маленький процент, начинают принимать участие в общественной работе, иной раз и против желания своих мужей. Работа женщин почти незаметна. Это не должно смущать никого т. к. самый факт участия их в общественной работе говорит красноречивым языком за пробуждение самодеятельности. Среди женщин появляются комсомолки, женделегатки и т. д., женщины выбираются в с/с. и т. п.; нет пока еще только женщин—коммунисток, и это будет продолжаться до тех пор, пока женщина не освободится от влияния духовных лиц и боязни греха, особенно греха боятся женщины, имеющие детей, потому что в писании, сказано: «грехи родителей падут на детей».

Но с появлением школ и распространением грамотности среди женщин, такой взгляд быстро изменится, и женщина скорее, чем мужчина, будет воспринимать все новое и полезное, что дала нам революция. Уж одно то, что у семейских изменился, хотя не у всех, взгляд на школу, доказывает какой произошел громадный сдвиг в миросозерцании старообрядчества и какую брешь пробила революция. В 1919 году проф. Ирк. гос. университета, А. М. Селищев, проезжая с научной целью по семейским селам, отметил факты отрицательного отношения к школе. Так, в Бичуре на сходе, когда говорил школьный инструктор, то его прерывали: «не надо нам этого, жили мы и без школы, да целы были» и т. п. Кроме того, проф. Селищев отметил враждебное отношение к научной медицине. Обращаться к врачу считалось грехом, по писанию: «Лучше есть в нездравии пребывати, нежели ради применения немощи, в нечестия впасти. Аще бо и уврачует бес, болми повреди (т), нежели пол'зова[1])». Большинство лечилось у знахарей и знахарок. Особенно семейские не любили прививать оспу, считая ее печатью антихриста, несмотря на то, что ни в одной книге нет запрещения относительно оспы. Эпидемия оспы свирепствовала среди семейских за годы революции несколько раз и уносила сотни жертв, так, например, в 1924 году в Тарбагатае нам пришлось видеть, как из одного дома выносили 4 – 5 гробов за 3—4 дня, или же как слепли дети и даже подростки.

На вопросы: «неужели вам не жаль своих детей?» получался жестокий, противоречащий любовному отношению семейских к детям ответ: «ну, у нас их, как шшенят, развелось», или же: «за наши грехи маются», а то и так говорили: «помающца—на том свете харашо будить, адали скольки воспинак, тольки будить и святочков (цветочков), в святочках будить лежать».

К 1926 г. и в этом отношении семейские изменились, отношение к больнице и врачу, в большинстве случаев, хорошее, доверчивое, так, например, в Гашее, Мухор-Тале, Старой-Бряни, Тарбагатае, хотя народная медицина еще в полной силе, а знахарю доверяют больше, чем врачу. Отрицательное пока еще отношение к медицине в Б.-Куналее, но это село является отсталым во всех отношениях.

Вообще за годы революции сознание семейских значительно

[1]) Селищев, А. М. „Забайкальские старообрядцы. Семейские", стр. 14.

просветлело и освободилось от темноты и невежества. Главными носителями старины и руководителями семейских были «уставщики» и «начетчики». Они—страшное зло с семейских селах, губят всякое живое начало и заставляют своей церковной властью пребывать во мраке и невежестве. Но сами уставщики иногда отступали от общего правила, учили своих детей у частных учителей и прививали им оспу, но строго, грозя проклятием, запрещали это делать другим. Находились и до революции люди, желающие жить по новому, однако, им вследствие гонения со стороны подговоренного уставщиком общества, приходилось или смиряться или уходить из села. Уставщики отказывали протестанту в исполнении разных треб (похоронах, крещении детей и т. п.). В настоящее время большинство семейских еще находится под таким гнетом, но уставщики уже теряют понемногу свое значение, хотя еще крепко держатся за свою власть и оказывают сопротивление всем полезным начинаниям семейских. Боясь ответственности перед советскими органами, они не действуют прямо, а через семейных, через родню и своих приверженцев. Распускают слухи о конце мира, о печати антихриста, о роковом числе 666 и т. п.

Не без влияния уставщиков у семейских упорно ходила легенда о конце советской власти, который должен быть наступить в 1926 году. «В етам году коммунистов не будить, власть тоже переменится—придет «привидент»(президент),—он будет царствовать тридцать три года, жись будить при ем бравая, адали прежняя, после ево смерти кто-та ишшо наступить на царство на три года, а посли нево наступить такое время: земля не будить давать плода, неба дажжа, деревья посохнуть, звери и скот будить ходить и кричать, не находя сибе еды, все ето будить как сказана в писании»[1]). Такими нелепыми сказками уставщики запугивают невежественных семейских, а они до сих пор, благодаря своему страху, остаются в хвосте мероприятий советской власти. Партийцы упорно борятся с такими слухами, но их пока еще не так много, и они, в большинстве своем,—малограмотные, недостаточно умеют раз'яснить вздорность уставщицкой бредни. Вред, приносимый уставщиками, помимо наших наблюдений, отмечается и другими исследователями жизни семейских[2]).

1) Рассказывает Ново-Брянская крестьянка Матвеева, неграмотная.

2) Ровинский, П. А. Изв. Сиб. Отд. Р. Г. О-ва, т. IV, № 3, 120. Селищев А. М. „Забайкальские старообрядцы.—„Семейские“, стр. 17.

Гнет уставщиков и отжившие формулы, по которым пытаются жить семейские, давно уже перестали удовлетворять молодежь, и она пыталась и пытается найти какие-то новые формы быта, не порывая резко с традициями, по которым живут их отцы. Лучшая часть молодежи в настоящее время находит себе удовлетворение в книге, газете, посещает избы-читальни и т. п.

Более слабая и нестойкая начинает хулиганить. Скверная ругань, пьянство, разврат нашли себе место среди тех самых старообрядцев, которые осуждали его у православных. Пьют и сквернословят не только мужчины, но даже женщины и дети. Грабежи, убийства, поджоги также занимают не последнее место среди семейских. Во время своих исследовательских работ в 1924-25 г. г. нам пришлось наблюдать такие явления: убито было в одном Куналее 6 человек, ограблены 3, застрелены 2 лошади и т. д. Милиция почти бессильна бороться с такими явлениями, во-первых, из-за своей малочисленности, во-вторых, почти каждый из семейских имеет оружие, оставшееся у него после партизанщины.

В поездку 1926 г. нам пришлось натолкнуться в Новой-Бряни на такие же точно факты. Пьяные семейские в Петров день, 29-го июня ст. ст., передрались так, что одного мужика сильно ранили ножем, несколько человек оказались с разбитыми головами и т. д.

Бороться с такими явлениями возможно только тогда, когда будет больше школ и культ.-просвет. учреждений, в которых молодежь найдет ответы на все запросы, разрешить каковые она до сих пор не могла.

Почти все религиозные праздники семейских сопровождаются гулянками, пьянкой и катанием на лошадях.

За время работ среди семейских, нам пришлось наблюдать празднование «Троицы» и «Петрова дня», кроме того, сделаны записи о других праздниках.

Троицу молодежь встречает тем, что едут куда-нибудь в лес, «на острова» и т. д. «кумиться». Обряд «кумления» состоит в том, что березку одевают лентами, бусами, шелковыми платками, ходят вокруг нее и поют песни, подобающие этому случаю, потом едят «яишню» (яичница с салом), пьют вино, чай с разными домашними печениями. Все продукты заранее собираются с каждого участника гулянья.

К вечеру березку разнарядят и топят в реке[1]).

Приехав домой, молодежь идет на гулянку куда-нибудь за село, где и поют разные проголосные, старинные песни и частушки, некоторые же, не «кумясь», одеваются в лучшие наряды и шелк, в атлас (если своего нет, то займут у кого-нибудь) и ходят с песнями по улице. Дети также собираются группами и «гуляют» взрослые же, напившись пьяные, катаются на парах и тройках с песнями вдоль по селу. На небольшом шарабане или простой телеге поперек положена доска, покрытая ковром, на ней уселись 6-7 баб и несколько мужиков, которые поют до хрипоты в горле, стараясь перепеть других. Такие увеселения продолжаются до вечера и часто заканчиваются побоищем. Точно также проводится и масленица, только без наряживания березки, взамен ее девушки и парни катаются на лошадях, и каждая девушка зазывает в гости того, кто ей всех милее, так сказать, жениха. Родители смотрят на это снисходительно и даже угощают приведенного дочерью гостя.—«Таков обычай у нас».

Молодежь, как уже мы говорили, собирается летом и зимой где-нибудь около избы за селом, посидеть и попеть песни, кроме того, устраивает гулянки, летом у пригорка, у речки или в пустом здании, зимою—в специально откупленной избе; какая-нибудь вдова отдает свою избу в распоряжение молодежи, получая за это по 6—8 кг. муки с каждой девушки за сезон, месяца на три.

Собираются в таких избах только в праздники. Парни не вносят своей доли—они являются гостями, принося разных «закусок», гостинцев, пряников, конфект и т. п.

Изба к празднику вся очищается от домашней обстановки, в нее приносятся длинные лавки и ставятся в ряд, остается небольшое пространство перед выходом. Девушки, придя в изоу, усаживаются, не снимая с себя верхнего платья, чинно в ряд. Щелкают семячки, орешки и поют разные песни и частушки. Вскоре появляются парни с гармошкой, начинается пляска, каждый парень, умеющий плясать, выказывает свое искусство. Наконец, кто-нибудь из парней подходит к девушке и начинает «заигрывать», другие парни подражают его примеру, немного погодя кто-нибудь из парней берет девушку и ведет ее за дверь. На мой вопрос: «куда они пошли»? мне ответили: «на солому, поди по-

[1]) Село Тарбагатай.

смотри»; действительно, одна за другой парочки выходят во двор, забираются в омет соломы, ложатся или сидят в обнимку и переговаривают относительно своего жениховства.

Так продолжается с 10—11 часов дня до позднего вечера. Кроме гулянок, устраиваются вечерки, на которых молодежь поет и пляшет специальные танцы и песни и ведет разные игры. Вечерки бывают редко и большей частью устраиваются по какому нибудь случаю.

В будние дни девушки разбиваются на группы и устраивают «посиденки»,—человека 4—5 собираются у кого-нибудь с рукоделием, с пряжей, шитьем или вязаньем и с песнями сидят до самого утра. К ним приходят парни, но они редко пускают к себе посторонних и только «ухожоры» или, как они называют чаще всего, «шмары», «сухаранки» имеют более свободный доступ. Летом, кроме сидения где-нибудь на заваленке с песнями и гулянок за селом и т. п., молодежь иногда играет в «мечик» (мяч)--девушки и в городки и бабки--парни. У детей гораздо больше развлечений. Они с ранней весны до поздней осени каждый свободный день стараются использовать так, чтобы получить максимум удовольствий. Как только появилась возможность итти в поле за богульником, сараной (едят это растение не только дети, но и взрослые), за дудками для «свистелок», ребята исчезают из дома на несколько часов, девочки тоже не отстают от мальчиков. Кроме ходьбы в поле и лес, у ребят много различных игр, которые можно разделить на зимние и летние, а также игры на воздухе и в помещении.

Игра в «бабки, городки, коршуна, чертика, в ворота, купание, в кони» и т. п., кроме того, игры в войну, партизанщину также привились среди детей и занимают целый день. Зимой катание на специально устроенных горах-катушках, игра в снежки. Большинство игр сопровождается пением и разными приговорами. Девочки, кроме игры на воле, совместно с мальчиками, играют в куклы, которые шьют из лоскутков или делают из дерева. Кроме всевозможных игр у детей, есть еще развлечение—сказки и предания о старине, которые мастерицы рассказывать их бабушки, да и деды.

Свой краткий очерк о семейских мы закончим, сказав несколько о занятии их, а так же о религиозных убеждениях.

Семейские земледельцы, они очень трудолюбивы, обрабатывают свои поля тщательно, не оставляя почти ни одного клочка мало-мальски удобной земли без обработки, но неблагоприятные климатические условия не дают хороших результатов. Кроме того, у семейских нехватка земли, на что слышатся постоянные жалобы, где бы нам не приходилось быть, только и слышно;—нет земли, мало лугов, хлеба недостает и т. п.; какой бы разговор не начинали, все сводится к одному—«земли мало»; и действительно душевой надел очень мал: $1^1/_2$—2 га еще хорошо, а то бывает $^3/_4$—$^1/_2$ и меньше. При плохой земле, как в Н.-Бряни, конечно, при таком наделе невозможно жить. Многие крестьяне берут в аренду казенные земли, разрабатывают «чертежи»—земли под лесом, а также у бурят.

С 1918 года семейские во многих местах путем столкновения заняли бурятские земли, поселились там и начали их обрабатывать.

Сейчас семейские ожидают общего передела земли и надеются на то, что часть бурятских земель попадет им.

В землепользовании семейских за годы революции произошли кое-какие перемены в пользу их. С 1918 года им было добавлено небольшое количество земли, которое, конечно, не удовлетворило их, у них до сих пор в некоторых селах не хватает сенокосной земли, или совсем почти нет выпуска для пастьбы скота.

Лесные наделы также не удовлетворяют многих, т. к. жители некоторых деревень должны ездить за лесом верст за 20-25. И по качеству почвы с землею не везде благополучно.

Одни имеют черноземную, мягкую почву, другие пески, на которых не каждый год родится хлеб. Система полеводства у семейских двухпольная. Культуры, возделываемые семейскими,—ярица (в большем количестве, $^2/_3$ всего засева), пшеница, овес, гречa, небольшое количество ржи, конопли, за последнее время кое-где начинает прививаться посев кормовых трав и картофель.

Обрабатываются земли лошадями. Из сельско-хозяйственных машин при пахоте до сих пор еще сохранились деревянные сохи и бороны, хотя за годы революции вошли в большое употребление сошки-красульки, плуги фабричного производства.

Появились также молотилки, жнейки, косилки и грабелки, заменяющие собою прежние молотила, косы, серпы и деревянные

грабли, но таких машин еще немного, большинство семейских остается при прежних сельско-хозяйственных орудиях, не имея средств для замены их, или же пользуясь машинами за известную плату, т. е. арендуя их.

Луга и часть полей у семейских орошаются посредством канав, прорытых для этой цели. Пользуются этими канавами по очереди, сегодня одному очередь «топить», завтра—другому. Канавы поддерживаются в порядке всем обществом.

Удобряются поля навозом, другого удобрения пока еще не применяют. Запашка производится следующим образом: сначала парят землю, потом боронят через некоторый промежуток времени, снова ее двоят, иногда троят и оставляют под зиму. Весной вспахивают и сеют семена. Когда появляются всходы, яровые полют, не давая заростать сорной травой.

Семена перед посевом «протравливают» формалином, но это делают пока еще не все. Поля семейских страдают и от нашествия кобылки и других вредителей. Тут уже на помощь приходит правительство, высылая специалистов по борьбе с вредителями—«скачкодавов», по определению семейских. В урожайные годы часть хлеба продается для уплаты налогов, на разные домашние расходы, а также на приобретение одежды. Сдается хлеб в кооперацию, часть переправляется в город Верхнеудинск или Петровский Завод, отстоящие от некоторых сел км. на 120, и ближайшие села отстоят не менее 35-45 км. и т. д.

Кроме того, хлеб дается бедняцкому населению некоторыми богачами под работу и продается ему же на деньги. Поддержку семейским хозяйствам оказывают кредитные товарищества, госорганы, которые дают в кредит семена, деньги, сельско-хозяйственные орудия, которые берут, главным образом, бедняки и средняцкое население. Богачи обходятся своими средствами.

Кроме хлебопашества, семейские занимаются огородничеством. Об огородных культурах говорилось раньше, продукты огородничества в некоторых селах, главным образом, заготовляются для своего употребления и только небольшая часть их идет на продажу. В некоторых же селах, наоборот засаживают много овощей для сбыта в город.

Скотоводство, как и огородничество, является подсобным в семейском хозяйстве. Раньше, до войны 1914 года, у семейских

было много лошадей, овец, свиней и рогатого скота, в настоящее время скот значительно сократился, благодаря неурожаям и гражданской войне, повлекшей за собою всеобщую хозяйственную разруху.

Скот семейские держат для себя и редко продают его, разве только явится необходимость. Мясо, молоко, жир, сало и т. п. также редко продается, т. к. для продажи приходится «урывать» у себя, лишать себя и семью этого продукта, излишки бывают только у богатого населения.

Лошадей семейские держат исключительно как рабочую и выездную силу, лошадь для семейского является другом, товарищем, главным помощником в работе, он ее бережет, кормит получше, старается обходиться мягче, редко бьет, избегает бранить.

Корова также является не последним поильцем-кормильцем в семье, без нее трудно было бы жить семейскому, она дает ему молоко, масло, творог, сметану и мясо.

Без лошади и коровы семейские не считают себя «полномочными крестьянами». Потом идет овца, которая дает шерсть, мех и мясо, но овец у семейских мало, редкие крестьяне имеют значительное количество овец. Также мало разводят и свиней, исключительно для сала и мяса и в очень редких случаях для продажи.

Скот семейские держат зимою во дворах, кормят его сеном, месят колос, солому, посыпая ее мукой и поливая теплой водой, свиней кормят картофелем, поят болтушкой из муки. Лошадям, кроме этого, дают овес.

Птиц семейские держат немного, почти исключительно кур, которых кормят различным зерном, а то и месивом из конского кала, посыпанного мукой.

Летом весь скот выгоняется пастись. Овец угоняют к бурятам и не видят их целое лето или же отдают пастуху, платя за пастьбу мукой, по 2 кгр. с головы, и давая пастуху корм. Коров угоняют или на заимку, где кто-нибудь из семьи с ними живет, или отдают пастуху, только лошадей, как необходимых работников, держат дома, выпуская их в свободное время на выгон. Свиньи ходят «за пастухом» и только у немногих находятся на полной свободе.

Подсобных занятий у семейских мало. В некоторых селах жители работают на линии ж.-д.; другие занимаются рыболовством.

Кроме того, среди семейских попадаются кузнецы, слесаря, которые приготовляют для крестьян ножи, топоры, ухваты и т. п. а также плотники, столяры; бывают и такие, которые умеют катать валенки, делать серьги, кольца. Есть мастера, делающие самопрялки и швейки, приготовляющие различные кадки, лагуны, туязья и проч., но все это единичные случаи, ремесла, как таковые, среди семейских не процветают и не могут служить подспорьем в сельском хозяйстве.

До революции многие крестьяне уходили на приписка, ездили в Монголию за товаром, занимались извозом. В настоящее же время семейские исключительно земледельцы; они сами это сознают прекрасно, стараются укрепить, а также усовершенствовать земледелие посредством с.-хоз. машин. До революции семейские круглый год, как говорится, не покладая рук, работали, но результаты работ были незначительные. С появлением машины значительно увеличилась продуктивность рабочего времени и меньше стала затрачиваться физическая сила.

Кроме того, семейские задумываются над правильностью распределения полей и системы их обработки, а также над обрабатываемыми культурами. Некоторые, хотя и в редких случаях, начинают поговаривать об искусственном удобрении, о переходе с 2-х полья на многополье, а также пробуют прививать другие культуры.

Однако, до революции в сельском хозяйстве еще далеко, и пройдет не один десяток лет, пока все семейские поймут пользу различных нововведений в области сельского хозяйства.

По своим религиозным убеждениям, семейские—христиане. Старообрадцами и раскольниками их назвали за то, что они не приняли исправленных церковных книг, не изменили своему 2-х перстному крестному знамению и признали все нововведения патриарха Никона делом богопротивным, а самого Никона называли не иначе, как антихристом. Боязнь наказания за общение с «еретиками»—никонианцами прошла через века и сохранилась еще до нашего времени и упорно поддерживалась и поддерживается в народе их начетчиками и уставщиками.

Долгое время старообрядцы придерживались своей веры, соблюдая ее в чистоте, сохраняя в точности предписания «священного писания». Но постепенно фанатизм падал, и теперь, когда-то

живая мысль, за которую гибли сотни людей, превратилась в мертвую форму, в обычай, в суеверие. Между собою семейские перессорились, раскололись на разные толки и только, благодаря еще своему невежеству, об'единяются легендами о приходе антихриста и о конце мира. Приход антихриста они приурочивают к каждому более или менее важному событию в истории России. Петр 1-й— антихрист. Наполеон 1-й, Вильгельм 2-й и, наконец,. Владимир Ильич Ленин – тоже. Но о Ленине общее мнение раскололось. В некоторых селах держится слух о том, что Владимир Ильич перед смертью раскаялся, отступился от «кумунии», позвал попа, причастился, и его похоронили с «архиреями». Если о Ленине ходят разноречивые слухи, то о коммунистах, как о слугах антихриста, мнение довольно дружное у остальных семейских. К советской власти семейские относятся не особенно доброжелательно. Во многих селах некоторые слои населения – даже враждебно, но признают ее, придерживаясь слов писания «несть власти, аще не от бога».

В религии у семейских благотворный сдвиг сделала революция. До 17 года не каждый семейский подал бы из общей кружки пить, не позволил бы коснуться без креста кадки с водой и т. д.

Теперь же этого нет, у некоторых передовых старообрядцев даже иноверцу дадут чистую посуду. Но и сейчас есть семьи, где для «еретиков»—православных—и бурят особая посуда, к которой не прикасаются члены семьи. Кроме того, молодежь уже явно и тайно отпала от религии и вносит новые порядки в обращении с иноверцами. Только пожилые женщины и часть средних лет мужчин строго держатся писания.

Благодаря вере в антихриста, в роковое число 666, а также в «лик звериный», многие, понимая пользу различных нововведений, не принимают их, – так, например, многие боятся вступить в кооперацию, так как членам выдается книжка с печатью. Из имени Ленина, а также из пятиконечной звезды, по мудрствованию книжников, выходит 666. Красноармейский головной убор наводит многих «умных» людей на мысль: «а уж не лик ли это звериный».

Питаясь такими суеверными бреднями, семейские мечутся между двух огней, мучаются и некоторые еще больше убеждаются, что пришел конец мира. Неосторожные выпады против религии, некоторые насмешки, которые были допущены в первые годы при-

хода советской власти, запугали население, и теперь необходимо очень осторожно исправлять сделанное. Для этого умелые школьные и культурно-просветительные работники среди семейских нужнее, чем где бы то ни было.

Духовным руководителем в сектах беспоповцев, темноверцев, а также беглопоповцев является уставщик, который выбирается миром. Уставщиком может быть каждый обыкновенный крестьянин, не посвященный в духовный сан, умеющий хорошо читать по церковному, знающий «святое писание». Благодаря невежеству старообрядцев, он играет до сих пор громадную роль в их жизни. Из треб уставщик может выполнять только крещение, погребение и напутствовать умирающего. Венчать он не может, не может также приготовить «святые дары»—причастие. В богослужении ему помогают начетчики, также знающие хорошо писание. Церковные службы уставщики совершают в молитвенных домах, или церквах. Молитвенный дом (церковь) разделяется обыкновенно на две части: впереди для мужчин, сзади для женщин, по бокам—«клыросы» для певчих и спереди аналой, у которого стоит уставщик. Все стены увешаны иконами старинного письма. К потолку или балкам прикреплены «паникадила». На «клыросах» певчие, чтецы установленных молитв, обыкновенно мальчики. Пение протяжное, немного в нос, и очень унылое. Все молящиеся делают очень низкие поклоны, опираясь на «подрушники» и перебирая лестовки-четки. Крестятся двумя перстами. Посещаемость молитвенного дома с каждым годом падает. Молятся только старики. Молодежь бывает в большие праздники, да и то с неохотой. Они бы не ходили, да боятся стариков: «вот здохнут старики, мы живо коммуну примем»,—говорили уже не молодые крестьяне. Мало-по малу исчезают и многие старые обряды и обычаи, чему сильно способствуют экономические соображения. Возьмем для примера похоронные и родильные обряды, которые «вставали в копеечку», т. е. стоили очень дорого,—рублей 100—150. В настоящее же время стараются обойтись рублей на 50—40.

Похоронные обряды очень интересны в этнографическом отношении; с изучением их следует поторопиться, так как они мало—по-малу теряют свои особенности. Семейские до сих пор не хоронят своих покойников в гробах. Для покойника они берут колоду, выдолбленную из ствола дерева. Обмытого покойника одевают

в «смеретную» одежду, сшитую из коленкора и пеленают его в белый коленкоровый саван. Хоронят умершего очень быстро—на следующий же день, по церковному обряду. На «похоронки» собирается много народу, для которого устраивается поминальный стол. Готовят на поминки специальные кушания, из которых следует упомянуть кутью (вареная с медом пшеница), блины с различными приправами; постом стряпают омулевые пироги и варят постные щи, а мясоедом стряпают все скоромное. Во время похорон все родственники «голосят»—плачут с приговорами.

Не менее интересны и родильные обряды: до настоящего времени, при особо тяжелых муках, открывают царские двери, т. е. двери, ведущие в алтарь. Кроме того, родильнице для скорейшего разрешения дают в рот ее волосы, ставят ее «на четвереньки». Послед зарывается с особыми молитвами в подполье. Родившую женщину бабка моет в трех банях—«правит» и после этого, получив от нее подарки, «размываются» с родильницей и уходит на другую работу. Младенца недели две не показывают посторонним, а потом уже с предосторожностями допускают смотреть на него: боятся «уроков». Верят, что если посмотреть на ребенка попристальнее, то его можно «сглазить», особенно, если глаз нехороший, черный. От «глаза» обыкновенно умывают «с уголька» и «носят на зори», т. е. рано утром или поздно вечером. Когда женщина дорит, то все знакомые пекут пироги, шаньги и несут ей гостинцы. Она все это принимает и впоследствии в подобных случаях должна оделить каждую приносящую подобным же даром.

Более подробному описанию обрядов, о которых говорилось выше, будет посвящена самостоятельная работа.

2 р.

ЦЕНА 20 коп.

Г. В-Удин. Типография НКПТ зак. № 2709-450-28. Бурлит № 232.

Отд. оттиск из журн. «Бурятиеведение», 1928 г., № 1-2 (5-6).